



ФОРМИРОВАНИЕ БАЗИСНЫХ КОНЦЕПТОВ ИДЕОЛОГИИ САРМАТИЗМА В КОНТЕКСТЕ ОТНОШЕНИЙ СВОЙ – ЧУЖОЙ: ИСТОКИ ПОЛЬСКОЙ РУСОФОБИИ

FORMATION OF BASIC CONCEPTS OF THE IDEOLOGY OF SARMATISM IN THE CONTEXT OF FRIEND-FOE RELATIONS: THE ORIGINS OF POLISH RUSSOPHOBIA

*Н. П. Монина**

ORCID: 0000-0002-2397-9448

*Natalya P. Monina**

* Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского
Омск, Россия

* Dostoevsky Omsk State University
Omsk, Russia

Цель исследования: выявление истоков формирования русофобских концептов в рамках идеологии сарматизма на начальных этапах ее формирования (XV–XVI вв.) в польской культуре.

Objective of the study is to identify the origins of the formation of Russophobic concepts within the framework of the ideology of Sarmatism at the initial stages of its formation (XV–XVI centuries) in Polish culture.

Методологическая база исследования. Теоретико-методологические основания исследования составили общефилософские методы анализа, синтеза, а также методы историко-культурологического и философско-культурологического анализа. Методологически значимыми для данного исследования являются работы М. В. Лескинен, О. Б. Неменского, Н. П. Таньшиной.

The methodological basis of the research the theoretical and methodological foundations of the research were made up of general philosophical methods of analysis, synthesis, as well as methods of historical and cultural and philosophical and cultural analysis. The works of M. V. Leskinen, O. B. Nemensky, and N. P. Tanshina are methodologically significant for this study.

Результаты исследования. В результате исследования выявлено, что в процессе формирования польской национальной идентичности особую роль в дихотомии Свой – Чужой сыграла Россия, на противопоставлении которой она во многом и выстраивается. Географическая близость, сложность исторических взаимоотношений, а также религиозный фактор – основные причины значимости

Results of the study. As a result of the study, it was revealed that in the process of forming the Polish national identity, Russia played a special role in the dichotomy of Friend and Foe, on which it is largely based. Geographical proximity, the complexity of historical relationships, as well as the religious factor are the main reasons for the importance of the image of Russia for Polish identity. The mental basis of Polish state and

образа России для польского самосознания. Ментальной основой польской государственной и культурной политики является идеология сарматизма, отражающая архаичную форму национального самосознания. В недрах данной идеологической системы зарождается идея этнического превосходства, сформулированная еще Я. Длугошем в XV в., имеющая в том числе и религиозный аспект, нашедший отражение в феномене сарматизации католицизма. В недрах идеологии сарматизма формируются зачатки русофобского дискурса, в частности такие концепты как варваризация и ориентализация образа России. Именно образы варварской и азиатской России становятся в дальнейшем ключевыми во всей западной русофобии.

Перспективы исследования. Актуальность темы предполагает возможность дальнейшего рассмотрения заявленной проблематики в русле современных аспектов изучения, а именно, выявления трансформации указанных концептов русофобского дискурса в последующие периоды развития идеологии сарматизма в польской культурной и исторической традиции.

Ключевые слова: русофобия, сарматизм, польская шляхта, польское национальное самосознание, идентичность, дихотомия Свой – Чужой, образ России

cultural policy is the ideology of Sarmatism, reflecting an archaic form of national identity. In the depths of this ideological system, the idea of ethnic superiority is emerging, formulated by J. Dlugosh in the XV century, which also has a religious aspect, reflected in the phenomenon of Sarmatization of Catholicism. In the depths of the ideology of Sarmatism, the beginnings of Russophobic discourse are being formed, in particular concepts such as the barbarization and orientalizing of the image of Russia. It is precisely the images of barbaric and Asian Russia that become key in the whole of Western Russophobia in the future.

Research perspectives. The relevance of the topic suggests the possibility of further consideration of the stated issues in line with modern aspects of the study, namely, identifying the transformation of these concepts of Russophobic discourse in subsequent periods of the development of the ideology of Sarmatism in the Polish cultural and historical tradition.

Keywords: Russophobia, Sarmatism, Polish gentry, Polish national identity, identity, dichotomy of Friend and Foe, image of Russia

Введение

Интенсификация русофобского дискурса, триггером для которого послужила начавшаяся 24 февраля 2022 года специальная военная операция, обнажила скрытое до недавнего времени, но имеющее глубокие корни специфическое отношение ряда западных стран к России. Привычная культурологическая дихотомия Запад – Россия ускоренными темпами трансформируется в явное цивилизационное противостояние, основанное на неприятии, отрицании, нивелировании всего русского. Под запретом оказываются русская культура, спорт, сторонники Русского мира, люди, просто выражающие симпатии к России или ее точке зрения. Попытка изолировать Россию, выведя ее за границы «цивилизованного мирового сообщества», пока не приносит явных

результатов, однако вносит определенные коррективы в систему межкультурного взаимодействия.

Не последнюю роль в стане наиболее русофобски настроенных стран играет Польша. Польская русофобия – явление достаточно известное, имеющее длительную историческую линию развития и активно проявляющееся в современных геополитических условиях. Чем обусловлена столь кардинальная позиция и каковы истоки негативного отношения к России? Над этими вопросами размышляли отечественные мыслители, начиная с XIX века. Однако вопросы эти не теряют актуальности и сегодня. Вновь создаваемые конструкты и идеологемы русофобского дискурса, по сути, есть переосмысление старых идей и претензий по отношению к России. А потому важно понять истоки и основные причины формирования русофобии и осмыслить роль польского государства и его элиты в этом процессе.

Методология исследования

Методология исследования выстраивается на основе теоретических разработок, изложенных в трудах М. В. Лескинен, О. Б. Неменского, Н. П. Таньшиной, а также общефилософских методов анализа, синтеза и элементов историко-культурологического и философско-культурологического анализа.

Результаты

В рамках данного исследования рассмотрим сарматизм, являющийся, по словам исследователей, «ментальной основой» (Бухарин, 2011. С. 110) польского государства. Идеология сарматизма оформилась в польской шляхетской среде в период XVI–XVII вв. и отражала «совокупность... особенностей мировоззрения, образа жизни, системы взглядов, поведенческих стереотипов и соответствующей ему культуры» (Лескинен, 2002. С. 5).

В контексте размышлений о сарматизме следует заметить, что период XV–XVI вв. – это время «открытия» Западом России. Причем Россия выходит на международную арену как победитель в борьбе с монголами (1480 г. – свержение монголо-татарского ига), как преемница Восточной Римской империи (падение Константинополя – 1453 г.), провозгласившая: «два Рима пали, третий стоит, а четвертому не бывать», обозначившая свои права на защиту православия в мире и, соответственно, определив свой мессианский вектор. Также важным событием становится признание за Русской православной церковью статуса автокефальной в 1448 г. Европа, осознав наличие рядом весьма непростого соседа, начинает активную пропаганду против России. В авангарде этого пропагандистского действия становится Польша, тем более что она граничит с русскими землями, является активным проводником католической экспансии на восток, а также претендует на часть западнорусских земель. Неслучайно польские историки XV–XVI вв. сформировали теорию,

согласно которой «Русь издавна (ещё с походов на Киев в XI в. королей Болеслава I Храброго и Болеслава II) по праву и на веки вечные принадлежит Польше» (Неменский, 2013. С. 32–33). Таким образом, как верно отмечается, антирусская «пропаганда возникла на почве соперничества за земли Руси, а также на почве конфессиональной борьбы католичества со “схизматическим” православием» (Анисин, 2015. С. 69).

Немаловажным является и тот факт, что именно XVI–XVII вв. – это время формирования «основных элементов национального самосознания славянских народов Речи Посполитой» (Лескинен, 2002. С. 13). А, следовательно, система национального самосознания формируется, с одной стороны, в условиях постоянного ожидания русской экспансии с Востока, а с другой, в рамках этого национального самосознания формируется представление об особой значимости и миссии польского государства как защитницы Европы и католичества. Причем специфической особенностью польской истории и культуры выступает, по мнению М. В. Лескинен, тот факт, что «идеологами и носителями национального самосознания... были в основном “верхи” социума – дворянство, богатые горожане, высшее духовенство» (Лескинен, 2002. С. 17).

Таким образом, процесс формирования национальной идентичности Польши тесным образом связан с образом России, которая маркируется как главный противник, оппонент. Следует отметить, что процесс осмысления собственной идентичности, формирования представлений о себе, о смысле собственного существования и своего предназначения чаще всего выстраивается в рамках дихотомии Свой – Чужой/Другой. Для Польши таким Чужим/Другим изначально являлась Россия; более того, она воспринимается как «значимый Другой», ибо именно на противопоставлении с ней и выстраивается во многом образ Своего, «осмысление России польской общественной мыслью чаще всего связано с созданием образа чего-то чуждого, враждебного и вместе с тем чем-то притягательного, заставляющего думать о себе» (Лыкошина, 2017. С. 133). Россия, таким образом, становится для польской национальной истории тем, что М. М. Бахтин называл гносеологической и онтологической необходимостью. Как верно отмечает современный историк А. Филюшкин, «открытие Западом России в конце XV века – это прежде всего проявление сочинения Европой самой себя, поиск христианским миром своей историко-культурной идентичности в эпоху Возрождения» (Филюшкин, 2011. С. 11). Также отметим, что в течение длительного времени «польский взгляд» на Россию господствовал по всей Европе, иными словами, Запад смотрел на Россию глазами Польши (Harle, 2000). Современный исследователь Н. П. Таньшина в своей работе «Русофобия. История изобретения страха» отмечает, что именно в эпоху Московской Руси происходит коренной перелом в сознании поляков и европейцев в целом, отражающий факт явного изменения отношения к России. Основная причина этого – отказ Москвы принять унию

и присоединиться к католическому миру в середине XVI в. Именно тогда московиты начинают восприниматься как «существенно другие» и «чужие» (Таньшина, 2023).

Отличительной чертой польской национальной идентичности вплоть до сегодняшнего дня является ее мифологизация, в том смысле, что мифы играют весьма важную роль не только в процессе ее формирования в качестве фундирующего начала, но и остаются значимыми и в последующие эпохи. Так, Л. С. Лыкошина приводит несколько высказываний польских интеллектуалов, подтверждающих данный факт: «...профессор Торуньского университета П. Чаплиньский называет поляков “придуманной общностью”... которое “непрерывно само себя придумывает, будучи скрепленным разного рода мифами”... профессор Института философии и социологии ПАН А. Белик-Робсон полагает, что польская национальная идентичность... пребывает в “мистическом безвременье”... польский историк Я. Тазбир... отмечает, что в формировании польской идентичности ключевую роль сыграли элементы шляхетской ментальности, превратившиеся в общепольское достояние» (Лыкошина, 2017. С. 130–131). В качестве такого мифологического фундамента польской национальной идентичности выступает идеология сарматизма, именно она, по мнению польских ученых, «в геополитическом и генеалогическом аспектах родилась в результате поисков польским народом своего места в европейской культуре» (Лескинен, 2002. С. 50). В своем развитии данная идеология прошла несколько этапов, но в фокусе внимания данной статьи – ее начальный период, а именно XV–XVI вв.

Обсуждение

Возникновение концепции сарматизма связывают с именем Яна Длугоша, католического епископа, дипломата и историка. В 1455–1480 гг. он пишет трактат «Анналы, или хроники великих королей Польши», в котором нашли отражение основы сарматизма. В частности, если мы говорим о неких предпосылках русофобии, о негативном отношении к России, то уже в этой работе прослеживается отрицательная коннотация исторических событий, происходивших на русских землях; более того, фиксируется и претензия польских правителей на определенные территории в силу династического превосходства поляков: «вопрос о первых русских правителях был вопросом внутрипольской истории, поскольку он последовательно старался представить Русь продолжением польских земель, пусть и населенных народом схизматиков. Его повествование проникнуто идеей о династическом главенстве польских князей и королей над русинами...» (Кибинь, 2015. С. 298). Таким образом, попытка рефлексии древней польской истории приводит Я. Длугоша к зачаткам идеи этнического превосходства и утверждению ведущей роли поляков в политическом процессе на русских землях.

В дальнейшем идеи сарматизма развивал Мацей Карпига из Мехова, автор трактата «О двух Сарматиях» (1517 г.). Он разделял русских и поляков по их происхождению, считая поляков потомками свободных и вольнолюбивых сарматов, в то время как варвары и азиаты русские являлись потомками скифов. Следует оговориться, что под польским народом в сарматской концепции понимается исключительно шляхта, и, соответственно, только ее представители имеют сарматское происхождение в то время, как холопы и быдло – славянское. Идея поиска исторических корней постепенно приводит польскую элиту сначала к прославлению своего народа, а позже – становится «базисом идеологии исключительности польского народа» (Лескинен, 2002. С. 50). Именно идея этнической исключительности польской шляхты становится центральным компонентом идеологической системы сарматизма. Она явно просматривается и в работе Ст. Ожеховского «Политика польского королевства», увидевшей свет во второй половине XVI в., где идея исключительности даже не поддается никакому сомнению и фиксируется как данность. В результате, как утверждает Н. М. Ракитянский, «с самого начала своего становления сарматизм как архаичная форма самоидентификации утверждался и как своего рода социальный расизм» (Ракитянский, 2010. С. 82). При этом восточные соседи – московиты – воспринимаются как варвары, нецивилизованная масса, агрессивно настроенная по отношению к полякам и ко всем цивилизованным странам Европы. Именно поэтому происходит ориентализация образа России, что подмечает Х. Хофбауэр, фиксируя, что «образ «азиатской» России возник как следствие политических интересов... он был польским изобретением, служившим для того, чтобы заклятого врага Ягеллонского государства представить... “царством зла”» (Хофбауэр, 2018. С. 19). Именно польская шляхта формирует весьма специфический образ московита, распространяя на Западе «миф об азиатской и варварской Московии, антагонисте христианского мира» (Филюшкин, 2011. С. 21). Именно с подачи польских ученых и хронистов, как верно отмечает А. Филюшкин, в конце XV – начале XVI века «в ментальной географии восточных пределов Европы намечается тенденция, согласно которой Россию пытаются вытеснить за их пределы, в Азию» (Филюшкин, 2011. С. 20). Шляхетскому государству же приписывается особая роль защитницы, охранительницы цивилизованного мира от варваров, ибо именно она находится на пограничье культурного и варварского миров. Воин-сармат в польской традиции – рыцарь, главная задача которого – защита своего мира, выполнение «рыцарского долга осмысливается в тесной взаимосвязи с христианскими нормами и ценностями» (Бухарин, 2011. С. 125).

Важной составляющей сарматской идеологии был и религиозный компонент. Следует отметить, что мы солидарны с Н. П. Таньшиной, считающей, что «истоки противостояния между Россией и Западом корнями уходят в раскол церквей и стремление склонить Россию к принятию унии» (Таньшина,

2022), а следовательно, именно религиозный фактор является важнейшим в выстраивании отношений между западной и русской цивилизацией и именно он определяет вектор дальнейшего развития. Католицизм, определявший культурное пространство Польши, испытал на себе влияние сарматского мифа, произошла, говоря словами М. В. Лескинен, сарматизация католицизма, по сути, сарматизм впитал в себя и подчинил религию. К идее этнической исключительности польской шляхты добавляется и идея религиозной исключительности Польши. В соответствии со взглядами поляков эпохи позднего Средневековья и Возрождения, «вся мировая история происходила в Польше, Голгофа существовала в Кракове, Богородица и святые облекались в польские одежды, потому что жили на польских землях... культ ... богатыря-сармата, столь активно использовался Церковью, особенно в периоды кровопролитных войн, что зачастую превосходил по значимости древних ветхозаветных пророков и святых» (Бухарин, 2011. С. 122). Представители польской шляхты рассматривали себя как защитников истинной веры, а следовательно, были яркими борцами, в первую очередь, со схизматиками. Русские воспринимались шляхтичами-сарматами как православные варвары, сражаться с которыми – прямая христианская обязанность. Неслучайно, если мы посмотрим на череду военно-политических конфликтов между Россией и Польшей, отметим факт активного продвижения католического вероисповедания и заключения уний (Люблинская уния (1569 г.), Брестская уния (1596 г.)). Польша уже «к середине XVI в. ... располагала полноценной идеологией покорения Руси и уничтожения “схизмы”, то есть восточного христианства» (Неменский, 2013. С. 33). Важно также иметь в виду и польский христианский провиденциализм – идею божественного проведения, в соответствии с которой Бог благоволил именно Польше, более того, Бог транслирует «свое волеизъявление непосредственно сарматам» (Лескинен, 2002. С. 59), а следовательно, именно поляки-сарматы есть проводники Божьей воли, а Польше уготована мессианская роль в истории.

Заключение

Польская национальная идентичность строится, как и любая другая, на дихотомии «Свой – Чужой». Роль Чужого играет Россия, она есть тот противник, на противостоянии с которым выстраивается собственный образ и осмысление себя и своей роли в мировом историческом процессе. Негативизация образа России вызвана географическими факторами (общая граница Польши и России), историческими (военные конфликты и столкновения) и религиозными (Польша – католическая страна, Россия – страна православная). Эти факторы, в том числе, способствовали формированию специфической идеологии сарматизма, в рамках которой были артикулированы русофобские концепты, в дальнейшем воспринятые другими странами Запада.

На начальном этапе формирования идеологии сарматизма в польской культуре формируются два базовых постулата: идея политической исключительности Польши, прослеживаемая в идее династического превосходства поляков, негативизации древней истории русских земель; и сарматизация католичества, отражающая, по сути, религиозный аспект идеи превосходства, по которой Польша – центр мировой христианской истории, которой особо благоволил Бог, рыцари-сарматы борются со схизматиками, защищая и насаждая истинную веру – в этом мессианское предназначение польского государства.

Идеи политического и религиозного превосходства Польши сформировали два ключевых русофобских концепта, затем распространившихся по всей Европе, ибо поляки считались лучшими знатоками русских. Первый – это варваризация образа России и русских, именно польские хронисты писали, что русские – грязные, дикие, нецивилизованные варвары, склонные к насилию и поэтому опасные для высокоразвитых народов (Филюшкин, 2011. С. 32). Второй – ориентализация России. Даже именование русских скифами, по мнению И. Ноймана, «выступает как элемент европейских представлений об “азиатской” или “варварской” России в этот ранний период» (Нойманн, 2004. С. 104). Об азиатскости русских, по мнению поляков, говорит и тот факт, что они православные, принявшие веру от Константинополя, а следовательно, схизматики, отступники.

И варваризация образа России, и ее ориентализация станут базовыми концептами русофобского дискурса Запада, сохраняющими актуальность до сегодняшнего дня.

Список источников

Бухарин С. Н. Россия и Польша – опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации / С. Н. Бухарин, Н. М. Ракицкий; отв. ред. О. А. Платонов. – Москва: Институт русской цивилизации, 2011. – 944 с.

Бухарин С. Н. Сарматизм – ментальная основа шляхетской республики Речи Посполитой / С. Н. Бухарин, Н. М. Ракицкий [Электронный ресурс] // Западная Русь. – 2010. – № 3 (15). С. 80–87. – URL: <https://zapadrus.su/bibli/gbib/2011-08-03-16-33-54/412-2011-08-11-14-53-11>

Кибинь А. С. Ян Длугош, Русь как продолжение Польши и Дулеб, прародитель дулебов / А. С. Кибинь // Исторический формат. – 2015. – № 4(4). – С. 297–311.

References

Buharin S. N., Rakityanskij N. M. Russia and Poland – the experience of political and psychological research of the phenomenon of limitrophization. O. A. Platonov (Eds.). *Moskva: Institut russkoy tsivilizatsii = Moscow: Institute of Russian Civilization*. 2011. 944 p. (In Russ.).

Buharin S. N., Rakityansky N. M. Sarmatism – the mental basis of the Gentry Republic of the Polish-Lithuanian Commonwealth. *Zapadnaya rus' = Western Rus'*. 2010; 3(15): 80-87 (In Russ.).

Kibin A. S. Jan Dlugosh, Rus' as a continuation of Poland and Duleb, the progenitor of the Dulebs. *Istoricheskiy format = Historical format*. 2015; 4(4). 297-311 (In Russ.).

Лескинен М. В. Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. – Москва: Ин-т славяноведения РАН, 2002. – 178 с.

Лыкошина Л. С. Образ России как фактор формирования национальной идентичности в общественно-политическом дискурсе современной Польши // Россия в польской историографии, Польша в российской историографии (к 50-летию Комиссии историков России и Польши) / [отв. ред. Н. А. Макаров]; Институт славяноведения РАН. – Москва: Индрик, 2017. – С. 130–142.

Неменский О. Б. Русофобия как идеология / О. Б. Неменский // Вопросы национализма. 2013. № 1 (13). – С. 26–65.

Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей / И. Нойманн; пер. с англ. В. Б. Литвинова и И. А. Пильщикова, предисл. А. И. Миллера. – Москва: Новое издательство, 2004. – 336 с.

Таньшина Н. П. Польский вопрос как инструмент идеологической борьбы Запада против России / Н. П. Таньшина // Наука. Общество. Оборона. – 2022. – Т. 10, № 4 (33). – С. 25. – DOI 10.24412/2311-1763-2022-4-25-25. – EDN MIYRTZ.

Таньшина Н. П. Русофобия: История изобретения страха / Н. П. Таньшина. – Москва: Концептуал, 2023. – 496 с.

Филюшкин А. Как Россия стала для Европы Азией? / А. Филюшкин // *Ab imperio*. – 2004. – № 1. – С. 191–229. – EDN PDWSID.

Формирование образа России в массовом сознании как предмет идеологической борьбы / А. Л. Анисин, Н. В. Блажевич, И. Ф. Фирсов [и др.]; под редакцией А. Л. Анисина. – Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2015. – 89 с. – ISBN 978-5-93160-229-5. – EDN VGLYPR.

Хофбауэр Х. Россия: образ врага. История одной демонизации / Х. Хофбауэр. – Краснодар: Экоинвест, 2018. – 496 с.

Harle V. The Enemy with a Thousand Faces: The Tradition of the Other in Western Political Thought and History / V. Harle. – Bloomsbury Academic, 2000. – 218 p.

Leskinen M. V. Myths and images of Sarmatism. The origins of the national ideology of the Polish-Lithuanian Commonwealth. *Moskva: In-t slavyanovedeniya RAN = Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences*. 2002. 178 p. (In Russ.).

Lykoshina L. S. The image of Russia as a factor in the formation of national identity in the socio-political discourse of modern Poland. *Russia in Polish historiography, Poland in Russian historiography (to the 50th anniversary of the Commission of Historians of Russia and Poland)*. [rep. ed. N. A. Makarov]. *Moskva: Indrik = Moscow: Indrik*. 2017. 130-142 (In Russ.).

Nemensky O. B. Russophobia as an ideology. *Voprosy natsionalizma = Questions of nationalism*. 2013; 1 (13): 26-65 (In Russ.).

Neumann I. Using the “Other”: Images of the East in the formation of European identities. Trans. from English by V. B. Litvinov and I. A. Pilshchikov, foreword by A. I. Miller. *Moskva: Novoye izdatel'stvo = Moscow: New publishing house*. 2004. 336 p. (In Russ.).

Tanshina N. P. The Polish question as an instrument of the ideological struggle of the West against Russia. *Nauka. Obshchestvo. Oborona = Science. Society. Defense*. 2022; 10. 4(33). 25 p. DOI 10.24412/2311-1763-2022-4-25-25 (In Russ.).

Tanshina N. P. Russophobia: The history of the invention of fear. *Moskva: Kontseptual = Moscow: Conceptual*. 2023. 496 p. (In Russ.).

Filyushkin A. How did Russia become Asia for Europe? *Ab imperio*. 2004; 1: 191-229 (In Russ.).

Formation of the image of Russia in the mass consciousness as a subject of ideological struggle. A. L. Anisin, N. V. Blazhevich, I. F. Firsov [etc.]; Edited by A. L. Anisina. *Tyumen': Tyumenskiy institut povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii = Tyumen: Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. 2015. 89 p. ISBN 978-5-93160-229-5 (In Russ.).

Hofbauer H. Russia: the image of the enemy. The story of one demonization. *Krasnodar: Ekoinvest = Krasnodar: Ecoinvest*, 2018. 496 p. (In Russ.).

Harle V. The Enemy with a Thousand Faces: The Tradition of the Other in Western Political Thought and History. *Bloomsbury Academic*. 2000. 218 p.

Для цитирования: *Монина Н. П.* Формирование базисных концептов идеологии сарматизма в контексте отношений Свой – Чужой: истоки польской русофобии // Гуманитарий Юга России. – 2024. – Т. 13. – № 1(65). – С. 189–198.
DOI 10.18522/2227-8656.2024.1.13
EDN XABRRR

История статьи:

Поступила в редакцию – 23.01.2023
Одобрена после рецензирования – 01.02.2024
Принята к публикации – 02.02.2024

Сведения об авторе

Монина Наталья Петровна
Кандидат философских наук, доцент,
заведующий кафедрой режиссуры
и хореографии,
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

AuthorID РИНЦ: 387592
monijulia@yandex.ru

Information about author

Natalya P. Monina
Candidate of Philosophical Sciences, Associate
Professor, Head of the Department
of Directing and Choreography,
Dostoevsky Omsk State University

monijulia@yandex.ru